

рающей, хотя никогда она не устрашала нашему существованію. Чувствительное сердце, живое воображеніе опытностію и размышленіемъ просвѣщенное заставляють насъ брать участіе въ утѣшеніяхъ или горестяхъ человѣческихъ. Сострадаательный человѣкъ сорадуется или соединяетъ свой стонъ и слезы при щастіи или бѣдствіи ближняго, хотя и не чувствуетъ ихъ дѣйствій собственнѣе надъ собою. Таково есть свойство человѣколюбиваго, нѣжнаго, и добродѣтельнаго сердца.

Хотя мы и любимъ добродѣтель для того, что наше истинное блаженство и утѣшеніе съ нею неразрывно соединено, но сія къ ней любовь не должна щитаема быть съ нами рожденною. Добродѣтель и любовь къ добродѣтели въ человѣкѣ не что иное суть какъ приобрѣтенныя расположенія. Человѣкъ не рождается добродѣтельнымъ, но рождается способнымъ быть добродѣтельнымъ, и имѣть къ ней привязанность. Человѣкъ рождается совершеннымъ кускомъ воска съ нѣкоторою только разностию въ мягкости или жесткости. Изъ него почти все сдѣлать можно, соображаясь только съ пою мѣрою способности его къ принятію впечатлѣній, которая ему свойственнѣе; въ чемъ ошмѣнное разсмаприваніе и осторожность при воспитаніи употреблять должно. Образовать сердце юнаго есть искусство съ чрезмѣрною трудностію сопряженное, но возможное. Должно, говоритъ Сенека, учишься до-